

ТАНЯ ВИНК

ТАНЯ ВИНК

РЯДОМ С ТОБОЙ

**ДУШЕРАЗДИРАЮЩАЯ ИСТОРИЯ О ЧИСТОЙ,
НЕВИННОЙ ЛЮБВИ И ПОДЛОМ,
БЕЗРАССУДНОМ ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ**

Четырнадцатилетняя Галя потеряла мать. Отец запил и едва не сел за решетку. Жизнь девочки наполнена серьезными, взрослыми проблемами: она вынуждена терпеть издевательства мачехи, которая ее ненавидит и после смерти отца выбрасывает на улицу. Единственная радость — воспоминания о Салмане. Они встретились еще детьми и искренне полюбили друг друга. После нескольких лет разлуки и бесчисленных писем судьба наконец-то сводит их вместе. Кажется, теперь ничто не разлучит влюбленных. Они решают пожениться, но чеченская семья не принимает Галину, «неверную»... Девушка остается совсем одна с маленьким сыном на руках и больше не доверяет людям. Сможет ли она когда-нибудь простить любимому его жестокость? Вернет ли Салман их доверие и любовь?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3199-3

9 786171 231993

РЯДОМ
С ТОБОЙ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

u

Таня Винк

РЯДОМ
С ТОБОЙ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)
В48

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Анна Демидова

ISBN 978-617-12-3199-3

- © Винник Т. К., 2016
- © DepositPhotos.com / Syda Productions, обложка, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

Моей первой любви

2002 ГОД, ИЮЛЬ

Галя ждала этого звонка. Ну, не так чтоб каждую минуту, но ждала. Много лет ждала.

— Доброе утро!

— Доброе.

— Старший лейтенант Павленко, Дзержинское отделение милиции.

Сердце замирает — с сыном неладное?!

— Да, слушаю. — Она на одревеневших ногах идет к дивану.

— Гармаш Галина Петровна?

— Да.

— Адрес Сумская, 69?

— Да.

— Галина Петровна, мы получили из Грозного заявку на розыск, вас разыскивает Яха Бисаева. Вам знакомо это имя?

— Да, знакомо. — Медленно опускается на диван.

— Когда вы можете приехать?

— Приехать? Куда приехать?

— В отделение на Алексеевку.

— В отделение? Да хоть сейчас...

— Вот и отлично. Жду вас до шестнадцати тридцати, третий этаж, кабинет 315.

И адрес называет, а потом диктует номер мобильного — у нее еще нет мобильного.

— А... А Салман Бисаев? — Горло сжалось, невозможно дышать.

— Жду вас до шестнадцати тридцати.

— Сейчас выезжаю. Скажите, а Салман...

Короткие гудки.

Оделась, ресницы покрасила и посмотрела на руку, на серебряное колечко. Когда-то на нем была позолота. Вышла в коридор, взяла ключи, потянулась к сумке, стоявшей на тумбе, но не взяла, а быстро пошла в спальню, к прикроватной тумбочке,

к старенькому томику Цвейга. Открыла на семьдесят пятой странице и, прижав дрожащую руку к губам, прочла самое дорогое слово, написанное внизу неуверенным почерком и жирно подчеркнутое более твердой рукой.

Успокоилась и набрала номер сына:

— Рома, привет.

— Привет, мам.

— Мне позвонили из милиции. Меня разыскивает Яхита, твоя бабка.

— Бабка?! А отец?

— Я спрашивала, мне ничего не сказали. Меня ждут в милиции на Алексеевке. Ты можешь поехать со мной?

— Да, конечно.

— Я заеду за тобой.

— Хорошо, жду тебя у «Спутника».

— Паспорт не забудь, иначе могут не пустить.

— Я права возьму.

— Возьми паспорт, мало ли что...

У машины ноги снова подвели — затряслись. Да так, что едва не грохнулась на асфальт. Села за руль, а ключом никак в замок не попадет. Наконец вставила, но ключ не повернула — заплакала. От страха и бессилия что-либо изменить — она уже не хотела этого звонка, не хотела ехать к лейтенанту. Она хотела, чтобы звонка этого не было, чтобы жизнь вернулась в прежнее русло. Пусть с одиночеством, со слезами в подушку, с утренней депрессией, с чувством вины, но с надеждой, черт возьми! С надеждой, которую этот лейтенант может отнять у нее через полчаса — ровно столько ехать до милиции. С надеждой, которая заставляет вставать по утрам, пить кофе, быстро одеваться и бежать на работу. А там не до того — у директора школы проблем хватает: совещания, уроки, школьники, родители, интриги, сплетни. Да чего только в школе не бывает! Возвращаясь домой поздно вечером, в пустую квартиру, она уже плохо помнит, кто она и как ее зовут.

Ее, Галю Гармаш, в браке Бисаеву.

Дверь подъезда распахнулась, и она увидела двух неразлучных друзей — мальчика с первого этажа и девочку со вто-

рого. Поддерживая девочку под руку, мальчик помогал ей сойти вниз по кривым ступенькам, потому что держаться было не за что — перила давно украли, а ступеньки разрушило беспощадное время...

ГЛАВА 1

1975 ГОД, ЯНВАРЬ

Рама больно упиралась в подмышку, но Галка этого не замечала. Высунув руку в форточку, она ловила снежинки и недовольно сопела — едва коснувшись руки, они обжигали ладонь в отместку за то, что не станут частичкой снега, завалившего огород, деревья, баньку, сарай с дровами, и исчезали, оставив крошечную водяную капельку. Вот если бы снежинки были размером с пластмассовые, что продают в магазине, тогда бы ее можно было потрогать, а попав в рот, она бы хрустела, как вафля. Галя вытерла ладонь, закрыла наружную и внутреннюю форточки, спустилась с табурета на пол и уставилась в окно, опустив локти на подоконник и подперев кулаками щеки. На ее лице было написано разочарование: гулять сегодня не светит, а каникулы вот-вот закончатся. И Юрке тоже не светит — они оба кашляют, потому что ели сосульки. За этим занятием их застукала мама.

Галя прижалась носом к стеклу — ой, как хочется на улицу! В снег! С головой! Сбить сосульку и кусать, кусать... Она обернулась на дверь. Там, за белой дверью со следами кошачьих царапин на нижней филенке, рассерженно скрипела половицами мама. Нет ничего проще, чем по походке распознать настроение родителей: когда мама в хорошем расположении духа, она неслышно летает по дому, а когда в плохом — и стекла в дверях звенят. У папы плохое настроение бывает, если кто-то болеет. Он войну пережил и считает, что все остальное чепуха. Галя подумала, что бы такое сказать маме, чтоб она перестала сердиться, но ничего, кроме уже сказанного «Я больше не буду», в голову не приходило. Может, расплакаться? Иногда это действует. Галя насупилась, скривила рот и запыхтела, но тут послышались торопливые Юркины шаги.

— Галка, — он тихонько закрыл за собой дверь, — я прочитал, — и он помахал перед ее носом книжкой про индейцев. — Сбегаешь?

Вот свинтус! Он просто так не дает читать свои книжки. За это Галка носит записки девчонкам — он уже за ними бегаёт, да и они тоже. Особенная у него любовь с дылдой из параллельного класса, внучкой бабушки Лейлы. Они как пошли в седьмой класс — с ума посходили.

— Куда? — спросила Галя, заранее зная ответ.

— Сама знаешь, — промычал Юрка.

— Мама в кино не пустит. — Галя подняла глаза к потолку.

— Она тебя и так не пустит, — хмыкнул братик. — Она сейчас идет корову доить, потом в магазин. Ты успеешь! — и смотрит хитро-прехитро.

— Не пойду! — ехидно возразила Галя.

А сама взгляд от книжки оторвать не может.

— Пойдешь! — прошипел Юрка, пуча глаза.

— Сам иди, я наказана. Из-за тебя, между прочим, это ты сосульки сбивал!

— Тогда фигу получишь! — Он щелкнул пальцами по темечку Галки и пошел в кухню.

С книжкой. Нахал! Он бывает нахальным, особенно когда очередной раз вторгнется в какую-нибудь девчонку. Юрка мог бы в кино играть, он похож на французского актера Алена Делона, только волосы светлее. Он хороший и умный, не дерется. Они уже решили, что оба будут поступать в университет, на исторический факультет, или в пединститут — как получится, и вместе полетят в Южную Америку к загадочным пирамидам племени майя, в Чичен-Ицу. Интересно, папин друг чеченец дядя Абу имеет отношение к Чичен-Ице? Галка потеряла ушибленное место, поерзала на табуретке, подышала на стекло, подождала, пока облачко расплывется, и стала рассматривать елочные игрушки, лежащие на вате меж оконных рам. Нет, это неинтересно. Вот бы почитать! Библиотечные книжки она уже прочла, в понедельник их надо сдать, а эта, про индейцев ... Ох, какие там картинки! Какая она интересная! Там столько мистики! Юрка дал на пять минут, а она уже влюбилась в эту книжку.

Про индейцев Северной Америки она тоже читала, но это не так интересно.

Ей еще пяти не было, а она уже читала заголовки в газете «Правда» и удивлялась, почему имя Саша написано неправильно — США и почему-то большими буквами. Папа объяснил, что никакое это не имя, что это целая страна на другой стороне планеты и в ней сейчас раннее утро, а у нас вечер.

— На другой стороне планеты? — озадачилась Галя.

— Да, под нами. А мы — под ними.

Это не укладывалось в голове, и Галя долго не могла уснуть. Утром она снова пристала к папе, и он заявил, что будет учить ее по-настоящему — после войны папа преподавал в военном училище, так что опыт у него был. И пошло-поехало: глобус, география, гравитация, Солнечная система, арифметика...

В ближайшую субботу, вместо того чтобы после бани остановиться на вокзале у пивной бочки, дать Галке сдуть пенку с кружки, отпить пару глотков и закусить таранкой, папа отвел ее в детскую библиотеку. А там настоящее детское книжное царство! Галя уже давно ходила с папой во взрослую библиотеку, но там все иначе — торжественнее и скучнее. В этой библиотеке Галку однажды ударило током — она тронула пальцем краешек обрезанного провода, свисавшего с потолка вдоль стены. Ее так тряхнуло, что она заорала не своим голосом, — папа бросился к ней со всех ног, зацепил стеллаж, ему на голову посыпались книги, а потом и стеллаж упал, но папа успел отскочить. Это был удар током, сказал папа. Галю могло убить — это он сказал библиотекарше. Та побелела, попросила никому не говорить и побежала за электриком...

Громыхнуло ведро — это мама пошла доить корову. Если Юрка не врет и мама пойдет в магазин, то можно сбежать к этой дылде. А почему нет? До ее хаты туда-обратно десять минут, а мама придет через час, а то и больше.

Галя переместилась в столовую — оттуда виден коровник. Мама вышла из сарая с полным ведром. Галя вздохнула: сейчас процедит молоко и начнет канючить: «Выпей, здоровее будешь». Не будет она здоровее, потому что парное молоко — это ужас. Галю тошнит, а мама все равно заставляет. Вот Юрка целый

литр выпивает, да еще заедает батон с вареньем, но почему-то зимой тоже кашляет и такой же худой, как Галка.

Она вошла в кухню. Юрка сидел на табурете. Увидев Галку, он раскрыл книжку, сказал маме:

— Смотри, это место, где индейцы майя приносили жертвы своим богам, — и покосился на Галю.

Галя зубами скрипнула, но в книжку не заглянула. Мама заглянула — она не может долго сердиться, сказала: «Как интересно!» — процедила молоко, дала котенку Никите и налила в Галину кружку. Она не попросила, а приказала выпить.

— А тыпустишь меня завтра на «Фантомас»? — спросила Галя с невинным видом, сжимая в руках теплую эмалированную кружку.

Мама опешила:

— Как ты можешь об этом спрашивать?!

— Но я не могу сидеть все время дома.

— Можешь! Будешь сидеть, пока горло не пройдет!

Она стукнула по столу литровой Юркиной кружкой и наполнила ее до краев парным молоком.

Юрке приказывать не надо — он сам взял варенье, батон, сел за стол и положил перед собой книжку. Галя давилась молоком. Мама мазнула помадой по губам, сказала, что в магазин собралась, что вернется через час, взяла сумку и ушла.

Тоже проблема — обмануть маму! Как только калитка хлопнулась, Галя половину молока вылила Никите, а остальное пододвинула Юрке.

— Выпей, а то не пойду!

Юрка ухмыльнулся и все выпил. И даже пузыри не пустил! Жаль, что с сырыми яйцами не обманешь, думала Галя, глядя на белые усы над верхней губой брата, — мама сама их разбивает и заставляет пить. И рыбий жир тоже заставляет, но Галя не противится, потому что от этого жира ноги будут стройными, а пока они кривоватые. Юрка поставил чашку на стол и, вытирая рукавом молочные усы, прищурился:

— Ну?

— Баранки гну! — огрызнулась Галя, отлично зная, что побежит прямо сейчас. — Давай твою записку!

Кот вышел в коридор, посмотрел на Галю и принялся умываться.

— Выпей мое молоко, — сказала ему Галка, надела шапку, шубку и сунула ноги в сапоги. Натянула рукавицы, чтобы кожу на руках не ободрать о мерзлую щеколду, и по дороге прихватила швабру, стоявшую под лестницей на чердак. На крыльце она быстренько сбила шваброй сосульку и, хрустя ею, выскочила на улицу.

И налетела на маму. От неожиданности она замерла, держа сосульку в руке. Но мама ничего не сказала, схватила Галю за руку и поволокла в дом.

— Юрочка, сынок, собирай вещи, быстро! — крикнула мама, снимая пальто. — Галя, помоги брату!

— А что случилось? — в один голос спросили дети.

— Мы уезжаем.

— Опять?

— Да, опять.

— Далеко?

Дети радостно переглянулись.

— Далеко.

— А школа как? — спросил Юрка.

— Не волнуйтесь, собирайте вещи.

Мама снова убежала и вернулась с папой. Папа стряхнул снег с сапог, ушанку повесил на крючок, погрел руки о печку и снял со шкафа все три чемодана, а они вынули из буфета торбы, в которых уже перевозили свои игрушки.

— Может, оставите игрушки? — спросил папа. — Вы уже взрослые.

Слова папы ошеломили их.

— Оставить? — Брат и сестра переглянулись. — Вот так? Сразу?

— Да. Когда-то ж это надо сделать, — он развел руки в стороны. — Хотя... решайте сами...

Дом они покинули через два дня глубокой ночью. Из игрушек взяли Галкину немецкую куклу и Юркину меховую собаку, а торбы наполнили книгами. В Кишинев на своем «москвиче» их отвез сын бабушки Лейлы, отец дядды. Было очень жаль расставаться с этой дружной и гостеприимной цыганской семьей. Галя и Юрка любили бабушку Лейлу, она пекла вкусные пироги

и предсказывала будущее. Гале она предсказала красавца мужа и вечную любовь. Юрка сокрушался, что он не цыган, и мечтал попутешествовать с цыганским табором. Дурачок, мама бы ему так показала это путешествие, что два дня не смог бы сидеть.

На дизельном поезде они добрались из Кишинева до Одессы. С одесского железнодорожного вокзала Петя отослал телеграмму своему другу Абу Бисаеву: «Вынужден снова переехать скоро пришлю новый адрес обнимаю Петя», — и вернулся в зал ожидания.

— Папа, куда мы едем? — спросил Юра.

— На мою родину.

— Это далеко?

— Сутки поездом, потом на автобусе — и на месте.

Петя посмотрел на жену — на ее лице застыла тревога. Он взял ее за руку:

— Все будет хорошо.

Вера улыбнулась, но глаза по-прежнему были грустными.

— А где мы будем жить? — спросила Галя, заглядывая в сумку, в которой спал Никита.

— Мы построим дом.

— Большой?

— Очень большой.

— У меня будет своя комната? — спросил Юра.

— Обязательно.

— А у меня? — Галя оторвалась от котенка.

— И у тебя. — Петя погладил дочку по плечу и повернулся к жене. — А у нас будет большая спальня.

Как же ему надоело жить по чужим квартирам! Хватит! Больше никаких переездов! А дом построить нетрудно — он хороший столяр, и работу ему найти несложно.

Они предполагали такой ход событий и несколько раз обсуждали, куда поедут, если что.

— Может, в Харьков, на твою родину? — спросил он как-то у жены.

Верочка усмехнулась:

— Ты посмотри на себя в зеркало, у тебя ж на лбу написано — хочу домой.

У нее на лбу были написаны эти же слова, но она неоднократно повторяла, что там ее никто не ждет. Даже родная сестра.

В поселок Березино, что на середине пути между Могилевом и Минском, они едва добрались с могилевского вокзала из-за пурги и заносов — автобус ломался два раза.

— Это к счастью. — Петя обнял жену, когда злой как черт водитель второй раз объявил, что с двигателем снова проблемы, но на этот раз они могут оставаться в салоне.

С Верочкой он познакомился в таком же полуразваленном автобусе — ехал из Харькова в Чугуев, на аэродром. Вернее, не в автобусе, а на обочине дороги — автобус заглох, и всем пришлось выйти. Улыбчивая, она охотно поддерживала разговор, а он думал об одном: «Вот сейчас мотор заведется, мы рассядемся по местам, и я потеряю ее навсегда». Мотор действительно завелся, и она с детской непосредственностью попросила Петиного соседа поменяться местами. Тогда он еще не знал, что навсегда покорила ее своей кривой улыбкой и печальными глазами. Жила она в Чугуеве в казенной квартире. Они встретились на следующий день, потом еще раз и еще. Затаив дыхание, он держал за руку девушку на четырнадцать лет моложе, но чувствовал себя ее сыном — столько материнского тепла было в изумрудных глазах! Она была первой, с кем захотелось поделиться болью. Через много лет после войны он впервые произносил вслух то, что занимало его каждую минуту жизни, даже во сне. Он поделился с ней своими секретами, не чувствуя при этом унижения и не стесняясь слез, — рассказал, что больше не может летать, что боится высоты, что комиссован из армии и что он инвалид с двадцати пяти лет. Верочка призналась, что отца арестовали, когда ей было три года, что семья превратилась в изгоев — членов семьи врага народа, что мама ездила в тюрьму, на Холодную гору, а ее не пустили и ударили в грудь прикладом. Через много лет в груди образовалась опухоль и мама долго и мучительно умирала. Что старшую, тогда восьмилетнюю, сестру Наталью односельчане вытаскивали из очереди за хлебом, и она приходила домой в слезах, но следующей ночью снова шла и занимала очередь, а ее снова вытаскивали. Они открывались друг другу, как цветки солнцу, утешали друг друга, поддерживали, и прошлое стало общим.

Будто слезы счастья утренней росой умыли два влюбленных сердца, — они поженились. Верочка окончила лесной техникум и получила распределение в Ровно. Петя поехал за ней — без нее он не мог дышать, рядом с ней его буквально распирало от счастья. Она тоже много читала, и ее любимым автором был Цвейг.

— Все у него как-то грустновато, — заключил Петя, прочтя один из рассказов. — Как ты можешь его читать?

— Он рассеивает иллюзии, — ответила Верочка.

Наверное, благодаря рассеявшимся иллюзиям Верочка с сестрой не общалась. Когда-то Наталья открыто, при Пете, заявила, что Вера круглая дура, иначе как объяснить ее любовь к бесперспективному мужику, ведь за Верой ухаживал сам председатель сельсовета!

— Ну и что, что председатель, — хмыкнула Вера, — мне не должность нужна, а душа. — И она поцеловала Петю в щеку. При сестре.

И она была ему очень нужна, она стала для Пети самой большой наградой за всю нелегкую жизнь. Не формами покорила она его, не короткими волнистыми прядями, а доброй душой и глазами — они с такой нежностью смотрели на его изуродованное шрамами лицо. А потом ее руки с такой же нежностью гладили его седую голову и губы целовали шрамы. По ночам она спасала его от кошмаров — будила. Кошмары были разные: то приходил стрелок Степан и спрашивал, где его голова. Петя отвечал, что замотал ее в гимнастерку и отнес в морг санчасти. Снилось лоснящаяся рожа комиссара. Разлепив пухлые губы, он орал: «Ты меня на х... послал?! Меня! Полкового комиссара! Не видать тебе Звезды Героя, как своей ж...!» Звезду он так и не получил, хотя после войны сам Маресьев за него хлопотал. Снился Вася Сталин, совсем пацан, щуплый, стеснительный, улыбается и смотрит на Петю — даже во сне Петя чувствовал, как коленки дрожат: шутка ли, ему поручено научить летать сына самого отца народов! Снился последний бой над Будапештом. Разрушенный, дымящийся, грохочущий, он лежал под крылом истребителя шахматной доской — один квартал занят немцами, другой — союзниками. Подбили. Выпрыгивать с парашютом? Бесполезно — до земли не доберешься, разорвут в воздухе в клочья. В двадцать четыре года он принял решение

погибнуть. Но судьба его решение отклонила — пылающий самолет чиркнул крылом по верхнему этажу дворца на берегу Дуная и, выпрямив фюзеляж, воткнулся в огромное окно.

Водитель вернулся в кабину автобуса.

— Ну что? — спросил один из пассажиров, дыша на руки, покрасневшие от холода.

— Сейчас посмотрим.

Мотор чихнул несколько раз и завелся.

— Все, больше чинить не буду! — сердито сказал водитель, выезжая на дорогу. — Если что, брошу этот тарантас посреди дороги и уволюсь к чертовой матери!

— Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса! — сказал тот же пассажир, и все дружно засмеялись.

Потеплело, всех разморило, дети уснули, и, когда автобус остановился на вокзале, выходить не хотелось.

Вот он и дома. Вокзал тот же, хотя его и вокзалом не назовешь — бревенчатая хата с дощатой верандой и скрипучими дверями. Рядом дом бытового обслуживания — Петя в нем стригся. Как давно это было! Страшно подумать — больше тридцати лет назад.

— Я хочу вокзал посмотреть. — Он смущенно улыбнулся.

— Давай пойдем. — Вера взяла чемодан.

— А что мы там будем делать? — спросил Юра.

— Ничего. Я посмотрю — и все.

Петя отнес к порогу багаж и толкнул дверь.

Дверь скрипела так же, как тридцать лет назад. Одно кассовое окошко, доска объявлений, лавки вдоль стен, а на лавках местные забуддыги в карты режутся. Увидели Гармашей — и давай насмехаться.

— Это внучка его или дочка? — толкают локтями друг друга и на Веру кивают. — Ишь какая краля, надо бы ее... — и дальше мат.

Петя приблизился к ним, а они даже не шевельнулись — не узнали его. Да и как можно было через столько лет в седом мужчине с лицом, изуродованном шрамами, разглядеть красавца Петю Гармаша? А он их всех узнал. Схватил за шиворот самого наглого, Сергея Синяка, — они еще в детстве недолюбливали друг друга —

и сжал под мышкой его голову. Тот забился, захрипел, остальные замерли и онемели. Карты из рук Сергея посыпались на пол.

— Просите прощения у моей жены, — говорит Петя, не обращая внимания на голову. Синяк побагровел, глаза выпучил, уже губы синеют.

— Петенька, — запричитала Вера, — ты ж его задушишь!

— Одной сволотой меньше будет, — спокойно отвечает Петя, крепче сжимая локоть, и посматривает на компанию, а жертва уже не хрипит, руками не машет и ножками не сучит.

— Хлопцы! Да что же это?! Да он же его... — крикнул сидящий с краю и приподнялся на полусогнутых.

А Петя ему:

— Ты не хорохорься и шапку сними при даме.

— Петенька, отпусти его, Христом Богом молю! — просит Верочка.

Петя и бровью не повел. Крайний снова зад к лавке прилепил, шапку на стол и хмуρο так:

— Звиняйте, дамочка!

Это понятно — Вера дамочка, она в кокетливой шляпке. Она умела носить шляпки.

— Встань и попроси как следует, — командует Петя ровным голосом.

— Да ты ж его... — мужик матюгнулся и сплюнул на пол.

— Я сказал — встать!

Мужик поднялся:

— Извините!

За ним другие:

— Простите... Извините...

Петя разжал руки, и Синяк упал на пол, со свистом втягивая воздух и рвя ворот дрожащими пальцами. Когда свист прекратился, ему тоже пришлось просить прощения — вот тогда Синяк узнал Гармаша. С того дня к Пете прилипла кличка «контуженный». А когда по селу разнеслась весть, что он инвалид второй группы из-за головы, его вообще перестали задирать.

Петя не планировал жить в родительском доме, стоявшем на берегу реки, — для четверых человек он мал. Отец умер во время немецкой оккупации, через полтора года после начала войны,

мама еще год протянула. Была у него младшая сестренка, но она умерла совсем крохой, в голодном тридцать втором. Пока шел по улице — держался, а как свернул к речке, увидел ворота, так сердце прихватило. Но никому ничего не сказал, зубами заскрипел, налег плечом на калитку, вросшую в землю, — а за ней ни двора, ни сада, ни огорода, один бурьян выше человеческого роста. Над бурьяном возвышается крыша еще очень крепкой хаты. Селяне потешались над отцом, когда он клал на пол доски толщиной шесть сантиметров, — мол, все кладут четырехсантиметровые, а ты только древесину переводить. Тот, кто потешался, уже пару раз перебирал свой пол. Оконные рамы без стекол, забиты досками, на двери амбарный замок, а крыльцо будто вчера поставили. Прибежала соседка, обнялись. Соседка расплакалась, ключи из кармана вынула. Зашли в дом, а там грязь, паутина и из каждой щелки лезут воспоминания. Вся мебель исчезла — ни кроватей, ни шкафов, ни стульев. А вот письменный стол, подарок отца к школе, стоит. Петя выдвинул ящик стола, а в нем его письма с фронта, фотографии.

— Сил нет, Петенька, сколько раз грабили! — запричитала соседка. — Уже и брать нечего, а все равно лезут, черти окаянные.

— Вишь, не все забрали, — Петя показал на фотографии.

— Так это ж не продашь, и спать на этом не ляжешь...

Петя забрал письма, фотографии и ушел. Этим же вечером их взяла на квартиру медсестра сельской больницы Марина Марковна Дворжецкая, попросту — Марковна. Еще до войны она приехала из Полтавы по распределению, вышла замуж, но война забрала мужа и не вернула. И всю ее семью, что осталась в Полтаве, тоже забрала — кто на фронте погиб, кого фашисты расстреляли, кого энкавэдэшники. После войны Марковна хотела вернуться домой, сунулась в родительскую квартиру — а там живет семья какого-то полковника. На Марковну фашистам тоже писали донос, мол, она полька, значит, враг, но так получилось, что она была единственной медсестрой во время оккупации, и немцам невыгодно было ее сразу убивать, а потом, в суматохе отступления, видимо, забыли о ней. Немцы ушли, и начались разборки. Ее пытались обвинить в пособничестве нацистам, потому как она их лечила, но командир партизанского отряда, живший в райцентре, заступился за нее — сказал, что это было партийное задание, что она лечила партизан

теми лекарствами, что ей немцы давали, и благодаря ей многие выжили, он в том числе. После войны в поселок приезжали медсестры. Отбудут положенные три года и увольняются — молодой бабенке тут нечего ловить, а Марковна застряла надолго и никакой работы не боялась, даже санитаркой работала на полставки. А чего не работать? Больница через дорогу, силы есть, времени полно. Замуж она больше не вышла, детей не родила. Когда умер ее сосед, одинокий старик, остался пес Джек. Несколько дней Джек сидел на могиле хозяина, Марковна его подкармливала, но он ничего не ел и чах на глазах. А потом и вовсе перестал двигаться. Марковна забрала его в хату и стала делать какие-то полезные уколы. Все село над ней потешалось, когда она выносила пса во двор на одеяле.

— Ты ему еще грудь дай! — ржали соседки. — Вон что бездетность с бабой делает.

Она выходила пса и под замечания селян «Ишь городская нашла!» водила гулять на поводке. После выгула наливала в таз теплую воду, садилась на низенькую табуреточку и... «Джек! Ходи мыть лапэчки!» А потом разговаривала с Джеком на польском языке. Была у нее мечта — уйти на пенсию, продать дом и вернуться в Полтаву.

— Ты вот вернулся, — сказала она Гармашу, — и я хочу в свой город. Хочу пожить без огорода, без свиней, — и она мечтательно улыbnулась.

Но, говоря это Гармашу или кому другому, она прекрасно понимала, что мечта ее умрет вместе с ней — в городе просто так жилье не купишь, надо работать на заводе и стоять в очереди на квартиру. На государственную — лет двадцать, на кооператив — не менее пяти. А жить где? Можно, конечно, дворником устроиться, тогда дадут служебную, но это не ее вариант, ей уже за шестьдесят.

Марковна отдала Гармашам две комнаты, четверть огорода, сказала, что посуду могут брать любую, и если Петя починит забор, сарай, крышу, то плата ей вообще не нужна и они могут жить сколько хотят. Дети пошли в школу, Верочку взяли на работу в лесничество, а Петя устроился в столярный цех пищекомбината — там еще помнили, каким замечательным столяром был его отец, да и Петя после войны работал столяром. После первого

рабочего дня Гармаш пошел на почту — отправить Абу телеграмму с новым адресом. На почте никого, за окошком пусто, кто-то в подсобке шуршит. Петя взял бланк телеграммы, стоит, заполняет, и тут из подсобки выходит... Нина.

— Петя? — Она остановилась на полпути к столу.

Рука перестала писать, и он опустил голову. Руки дрожат.

— Ну, здравствуй! — молвит она и садится за окошко.

— Здравствуй... — Петя смотрит в телеграмму, но ничего не видит.

— Слыхала, что ты вернулся. С женой, детишками.

— Да, вернулся.

— Надолго?

— Надолго, — протягивает ей телеграмму. — Сколько с меня? Некоторое время Нина шевелит губами.

— Абу мы на месте все здоровы буду строиться пиши адресу...

Петя. Хм, я еще не отправляла телеграммы в Чечено-Ингушскую автономную эсэсэр. — Нина считает слова и перекидывает на счетах костяшки. — Рубль двенадцать копеек.

Петя отсчитывает деньги и кладет на стойку. Нина сгребает деньги рукой — рука такая же пухлая, такая же белая. Они больше ничего не говорят, не смотрят друг на друга. Петя прощается и уходит. Домой он идет не сразу, а сворачивает к реке.

Он с детства доверял ей все свои тайны, мечты, радости и печали. Он был у морей, у озер, но только эта река и никакая другая утоляла боль его сердца, незаметно забирая и унося. Он долго сидел на опустевшей пристани, не чувствуя холода, пока анализ всей жизни не подтвердил: от первой любви ничего, кроме слабого отголоска давней обиды, не осталось, а ведь Петя любил Нину всем сердцем. Много лет прошло, пока сердце вновь обрело способность любить.

...Первая любовь, яркая, озаряющая своим светом все вокруг, идущая наперекор родителям, твердящим как заклинание, что Нина не его поля ягода — мол, погулять любит, — в юности заполонила его сердце и разум. На слезы матери Петя отвечал:

— Мне все равно, что люди говорят! Люди врут! Я люблю ее и женюсь!

— Да как же так, сыночек? — причитала мама. — Неужто ты нас не слушаешь? Она старше тебя! — выдвигала мама веский аргумент.

— Всего-то на два года, — возражал Петя.

— А если в училище поступишь? С собой ее возьмешь?

— Конечно, возьму!

— Ой, горе!

— Мама, не надо, — просил Петя и уходил на свидание.

Вернее, переплывал на лодке на другой берег, в Слободу. Мама Ниночки встречала его радушно, с пирогами, говорила «зятек», а зятюку этому было всего семнадцать. Иногда просила починить чего — в доме не было мужской руки, мама Нину «в подоле принесла».

Отец Пети в любовь не вмешивался, считал, что любовь — дар судьбы.

— Люби, сынок, пока любится, — сказал он как-то и больше про это ни слова.

Ниночка училась с ним в одной школе — своей школы в Слободе не было. Он еще в восьмом классе обратил внимание на красавицу десятиклассницу. А как не обратить, если все только про нее и говорили? И про ее глаза — они были особенные, темные до черноты, огромные и раскосые. Черные брови вразлет, толстые, с руку, косы цвета воронова крыла и белая-белая кожа. Ее взгляд доводил баб до истерик, околдовывал мужиков, заставлял парней с замирающим сердцем смотреть ей вслед и ночами напролет ворочаться в постели. Бабы утверждали вполне серьезно, что Нинка ведьма, что она околдовывает мужчин и пьет кровь женщин.

Петя долго не мог прийти в себя — почему Нина его выбрала? За ней же столько мужиков ходит! А случилось это так: Петя с другими мужчинами косил сено возле Слободы, а Нина шла мимо. Он на нее засмотрелся и рядом стоящему косарю чуть ноги не отрезал — тот, слава богу, вовремя отскочил и заорал на Петю благим матом. Нинка рассмеялась и говорит:

— Что ты парня ругаешь? Не виноват он, это его природа виновата. Плохо, что ли, что на девку засмотрелся? Пошли, Петя, молоком из погребца напою.

Літературно-художнє видання

ВІНК Таня
Поруч із тобою

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *К. В. Озерова*
Відповідальний за випуск *Є. В. Бережний*
Редактор *І. Г. Веремій*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 03.05.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Агро». Ум. друк. арк. 12,6. Наклад 28 000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ВІНК Таня
Рядом с тобой

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Е. В. Озерова*
Ответственный за выпуск *Е. В. Бережной*
Редактор *И. Г. Веремей*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 03.05.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Агро». Усл. печ. л. 12,6. Тираж 28 000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Галя ще дівчинкою втратила маму. Її життя складалася не так, як хотілося б: питущий батько, ненависна мачуха... Одна радість — спогади про зустріч із Салманом, чеченським хлопцем, з яким Галя познайомилася ще зовсім дитиною. Довгі листи, роки розлуки й освідчення в коханні... Доля зводить їх у Харкові в університеті, і здається, зараз все налагодиться. Пара створює сім'ю, але рідня хлопця-чеченця не прийняла «невірну» Галю. Дівчина з маленькою дитиною на руках залишається зовсім сама... Чи зможе вона перетерпіти біль розлуки з коханим? Чи пробачить коли-небудь цю зраду?

Винк Т.

В48 Рядом с тобой : роман / Таня Винк. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 240 с.

ISBN 978-617-12-3199-3

Галя еще девочкой потеряла маму. Ее жизнь складывалась не так, как хотелось бы: пьющий отец, ненавистная мачеха... Единственная радость — воспоминания о встрече с Салманом, чеченским парнем, с которым Галя познакомилась еще совсем ребенком. Длинные письма, годы разлуки и признания в любви... Судьба сводит их в Харькове в университете, и кажется, сейчас все наладится. Пара создает семью, но родня парня-чеченца не приняла «неверную» Галю. Девушка с маленьким ребенком на руках остается совсем одна... Сможет ли она перенести боль разлуки с любимым? Простит ли когда-нибудь это предательство?

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)